

нения целеполагания (функциональный аспект) соответствовало в своем общем виде принципам, издавна принятым риториками и стилистами.

Обращение лингвостилистов к речевым фрагментам, большим чем предложение, т. е. к высказыванию, дискурсу или тексту, не изменяло принципов трансформационно-генеративного подхода к проблемам стиля. Оперирование базовым понятием «текст» предполагало осмысление его как глобально связанного целого, состоящего из контекстуально зависимых предложений. Однако подобная ориентация все же сводила задачи стилистического анализа в первую очередь к адекватному описанию синтаксиса предложений, составляющих текст, и по существу исключала такое важное понятие традиционной стилистики, как лексическая синонимия, не говоря уже о фонетике, акцентуации, интонации и т. д. Анализ текста как целого требовал прежде всего учета содержания. Однако «текстуальная парафраза» в отличие от парафразы на уровне предложения вынуждала оставить грамматику глубинных и поверхностных синтаксических структур и перейти на металингвистический уровень комментария текста. Отрыв содержания от формы лишал лингвостилиста материи и обрекал литературоведа на оперирование неким «глубинным значением» произведения, отличающимся от прямого, буквального («поверхностного») значения.

В соответствии с тем направлением, которое современной лингвистической теорией названо генеративно-семантическим, некоторые лингвостилисты делают попытки улучшить трансформационно-генеративную модель стилистического анализа введением уровня семантической репрезентации, предполагающей не только синтаксическую парафразу, но и лексическую синонимию. Уровень семантической репрезентации предполагает выявление, извлечение из текста единого смысла или общей темы (текст → смысл) и описание механизма его порождения (смысл → текст). Поскольку эти процедуры применяются ко всем видам текстов (научных, художественных и т. д.), то специфика их в рамках генеративно-семантической теории естественно (а в сфере стилистики, на наш взгляд, «противоестественно») снимается. Стилистика же, во всяком случае стилистика, ориентированная на художественную литературу, должна, по нашему мнению, исходить из того, что в бесконечном множестве текстов, отображающих бесконечное множество смыслов, имеется специфическая зона художественных текстов и художественных смыслов.

Поскольку генеративно-трансформационная грамматика и генеративно-семантическая теория принципиально отрывают план содержания от плана выражения, то анализ текста не позволяет выявить ни индивидуальных, ни жанровых особенностей стиля. То же можно сказать и о практическом приложении модели смысл → текст (или ее модификации тема → текст) к художественному произведению.

Анализ языковых фактов, реализуемый по принципу «грамматики падежей» (Ч. Филлмор), генеративной грамматики (Н. Хомский), означает не что иное, как вторжение в сферу художественных текстов, но не в стилистику. Глубинная структура поэтического произведения при подобного рода анализах есть глубинная структура предложений (по Хомскому). Поиск правильно оформленных предложений в «неправильных» поэтических структурах может быть задачей генеративной грамматики, но не стилистики.

Приведем примеры «текстов», выражающих «одно и то же»:

1. «...человек при всех его благородных и высоких качествах... при его богоподобном разуме... в своей телесной оболочке несет неизгладимую печать своего низкого происхождения» (Ч. Дарвин).

2. «Опасно слишком ясно обнаруживать перед человеком его близкое сходство с животными, не указывая в то же время на его величие. Одинаково предосудительно внушать ему только понятия о его величии, не указывая на его низменные стороны. Еще предосудительнее оставлять его